

ПЕВЕЦ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

ми штрихами создает впечатлительное цельное изображение картины.

Слутившийся месяц
на краешек неба
За куст зацепил
позолоченный рог.
И кажется мне,
отдыхая под вербой,
Повесил свой серп
до утра хлебобоб...

Или возьмем для примера вот это восьмистишие:

Берег с белыми березками,
Ивы, ели кое-где.
Месяц маленькими
блестками
Раскрошился на воде.
Конь, в пруду купая ботоло,
Гасит жажду на губах...
И сверкает чудо-золото
В разбежавшихся кругах.

Любители хитроумных метафорических комбинаций и абстрактной условности часто упрекали и упрекают Александра Пархаева в прямолинейности и в заштампованности его образов, но претендующих ни на какие обобщения, в том, что он как певец родной природы более созерцатель, чем деятельный творец прекрасного. Однако человек деревенского, крестьянского происхождения, с раннего детства впитавший в себя запахи леса, реки, поля, запечатлевший в памяти их краски, тона и полутона, Александр Пархаев на протяжении многих десятилетий отстаивает свое право работать в русле поэтической традиции пейзажной лирики прошлого века, когда движение лирического чувства развивается, в основном, от субъекта к объекту, а сам субъект (человек) как бы уходит в тень, создавая иллюзию своего отсутствия. При внимательном прочтении эта иллюзия рассеивается, ибо родина Александра начинается с отчего порога, с реки и поля, опавшей осенней листвы. Здесь нам для себя не найти открытий. Их надо искать в субъективном восприятии традиционной атрибутики сельской жизни, в биографии души поэта. Александр Пархаев отстаивает свою эстетику - эстетику привычного, обыденного, накопленного многовековым опытом.

"Времена года, или Живые картины" - так поэт по праву мог бы озаглавить свою книгу. Разнообразные картины весны, шумного безбрежного половодья, буйного цветения черемухи, озвученные чистыми голосами птиц, сменяются картинами жаркого лета, сенокосной страды, созревания хлебов, битвы за урожай, грибной охоты, а там "зафорсит в саду рябина ожерельем" и потянутся над "холстами осенних туманов" тревожные треугольники последних журавлей, а потом "задрожит под снежным пледом опустевший сад" и предстанет "твердь земли и хлеба в ледяном яме"...

Зная до тончайших деталей повадки птиц и животных, поэт создает целую галерею лирических миниатюр о братьях наших меньших. Среди них надо отметить такие достижения поэта, как "Подранок", "Воробышек", "Лось", "Мастерство". В этом плане очерда адресована читателям младшего и среднего школьного возраста. Необходимо также отметить, что стихи в этой книге расположены не в хронологическом порядке, а в калейдоскопном порядке, образуя большое многокрасочное панно. И все же в яркой цветовой гамме доминируют краски угасающей осени. Вот как начинается стихотворение, воскрешающее в памяти горькие страницы собственной биографии:

Осень, осень - грязь и ветер,
В поле пусто, в сердце грусть.
На одной ноге весь вечер
У крыльца маячит гусь.
Разрывается, как полог,
Темно-синий край небес.
"Будет, дети, ночью холод", -
Говорит, вздохнув, отец.

Александр Пархаев любит осень, особенно в ее предзим-

ною пору. Любит наблюдать, как "за речкой рожица сгорает в холодном медленном огне и калли жемчугом сверкают на пожухающей стерне". И долгов-долго журавлиное "курлы" тоненькой переплетной ниточкой пронизывает от корочки до корочки всю книгу.

Куда уносит ветер странствий
Большую вольную семью?
Кто ей, встречая,
скажет: "Здравствуй",
В какой стране, в каком краю?
Курлы-курлы...

Прощайте, птицы,
Удач в суровом небе вам.
За дымкой скрылась
вереница,
Стремясь к безвестным
берегам.

И мне только остается надеяться, что ты, неведомый читатель, встречая журавлей Александра Пархаева, скажешь им: "Здравствуй", а провозя, пожелаешь им удачи в "суровом небе наших дней"...

В. ЩЕЛКАНОВ.

Литературная мастерская "Беловская муза" благодарит коллектив а/о "Беловский полиграфист" за помощь, оказанную в издании книги Александра Пархаева "Последние журавли".

Первая книга нашего земляка - беловчанина Александра Федоровича Пархаева является органическим сплавом двух граней его самобытного таланта. В его широкой крестьянской натуре смолоду живет неразделимая любовь к поэзии и живописи. За безыскусственностью этого чувства проступает не книжная премудрость академических аудиторий, а горькая щедрость родной земли, взрастившей поэта и вручившей в его совсем еще детские руки тяжелый плуг и серп орастая.

Едва за голыми мысками
Оттаяв, теплилась земля.
А мы уже за колосками
Шли на колхозные поля.
В глазах порой
сгушались тени,
И меркло солнце
в черной мгле.
Ребенок, стоя на коленях,
Руками шарил по земле.
Болталась с хлебушком
котомка
На шее, словно амулет.
В ней были жизнь
и смех ребенка,
Мальца одиннадцати лет...

Вспоминает поэт в одном из своих лучших стихотворений "Горький хлеб". В строчках этих нет ни ярких метафор, ни эффектной поэтической символики, но простые обыденные слова находят друг с другом в таком естественном сочетании, что не смогут не вызвать в сознании читателя яркой наглядности образа. Вместе с тем это одно из немногих стихотворений поэта, где живописные фрагменты, детали пейзажа играют лишь роль фона или ассоциативного отражения какой-то идеи, состояния, чувства. В целом же тематическую доминанту книги составили пейзажные зарисовки, где автор полностью доверяет своей кисти как в прямом, так и в переносном смысле. Из непосредственного визуального наблюдения художник несколькими выразительными